

В. ВЕРЕСАЕВ

Марья
Петровна

Аннотация

Вересаев Викентий Викентьевич (наст. Смидович, 1867–1945) — русский писатель, знаток литературы и переводчик. Его талант расцвел на грани двух эпох — народничества и марксизма. Реалистичность, правдивость и гуманизм проявились не только в стиле автора, но и в образах его героев.

«Марья Петровна» — трагическая повесть времен первой мировой войны о матери, упорно ищущей вестей о сыне. Она не может поверить в его гибель и бредет на вокзал — сама не зная, зачем. То, что происходит на перроне, навсегда меняет ее душу и саму жизнь....

Полное собрание сочинений В.В.Вересаева было издано в 1928-29 гг. Оно составило 12 томов. Среди самых известных произведений — роман «В тупике», повести «Без дороги», «К жизни», «На японской войне», рассказы «На эстраде», «Мать», литературная критика творчества Толстого и Достоевского.

Викентий Вересаев

Марья Петровна

Она узнала о несчастье три дня назад. К ней зашла перед обедом вдова ее старшего сына, служившая продавщицею у Мюра и Мерилиза; минут пять рассеянно говорила о пустяках, а глаза были большие, настороженно-серьезные. Потом вздохнула, побледнела и дрожащим голосом сказала:

— Мамаша, приготовьтесь... С Васей несчастье.

Потомила еще с минуту, вынула из кармана газету и показала пальцем. В списке раненых и убитых стояло:

«Скончались от ран ... Голиков, Василий Иванович, прапорщик».

Это был младший сын Марьи Петровны.

Все эти три дня Марья Петровна бегала по Москве, чтоб разузнать что-нибудь о сыне, — где умер, можно ли получить тело для похорон. Робко стояла с поднятыми бровями в приемных, почтительно заговаривала с важными писарями и сердитыми чиновниками. Но такое у нее было скучно-желтое лицо и выцветшие глаза, такой неуверенно-настойчивый голос, что всякий, к кому она обращалась, нетерпеливо закусывал губу, глядел вполоборота и говорил:

— Сударыня, ведь русским же вам языком объясняют...

Была она на эвакуационном пункте при Николаевских казармах, оттуда ехала на трамвае в Астраханские казармы, в военный госпиталь. Посылала телеграммы в главный штаб, в полк, где служил сын.

Нигде ничего не удалось узнать. И уж больше нечего было предпринимать. Но ей было трудно оставаться в сыроватой своей комнате, где торчала в углу вязальная машина, где соседка и родственницы равнодушно сочувствовали и равнодушно восхваляли покойника. И она ходила по улицам в своей старой лисьей шубейке, останавливалась на перекрестках, неподвижно смотрела сухими глазами — и шла дальше. Слез не было. Душа сжалась в мерзлый, колючий комок, нельзя было глубоко вздохнуть, и некуда было деваться со своею тоскою и ужасом.

Качаясь, как на волнах, проносились автомобили с красными крестами, санитарные вагоны скользили по трамвайным рельсам, — и сквозь стекла видны были желтые, исхудалые лица и повязки, повязки. В витрине писчебумажного магазина пестрели яркие картины и открытки, и все было о войне. От одной открытки Марья Петровна не могла оторваться: немецкий солдат с оскаленным, звериным лицом, с каскою на затылке